

И. А. ИЛЬИН

**Предпосылки анархизма
(Психологический очерк)**

Отшумевшее недавно общественное движение оставило после себя в наследство богатый материал для социально-психологического анализа и объяснения. Как ни остро, как ни трагично переживалось это движение по существу, как ни свежи еще в памяти его отдельные потрясающие страницы и тот моральный подъем, с которым оно протекало, но объективное рассмотрение его внутренних психологических основ должно быть признано не только возможным, но и желательным и прямо-таки необходимым. Теоретический интерес и практическое значение такого уяснения и понимания прошлого не нуждаются в обосновании и мотивировке. В настоящий момент нас интересуют известные черты и уклоны в общественной психологии, вызывавшие и укреплявшие то увлечение идеями анархизма, как практического лозунга, которое недавно происходило на наших глазах, и мы попытаемся установить здесь некоторые соображения и пункты, которые могут содействовать пониманию и, может быть, критическому преодолению этого увлечения.

Анархизм, как учение об идеальном будущем, не есть новое создание нового времени, продукт капиталистического строя, вызвавшего к жизни люмпен-пролетариат с его идеологией и т. п. Это — исторически древняя, тысячелетняя мечта человечества, все вновь возрождающаяся, все более и полнее определяющая свой идейный состав, все разностороннее и утонченнее развивающая свою сущность. Выделить логически основное ядро этого учения есть задача, которую можно было бы, с публицистической точки зрения, признать ныне разрешенной юридически блестя-

щим, но философски сухим и схематичным сочинением Эльцбахера. Если принять те определения права и государства, которые он устанавливает в начале своего исследования, то окажется, что единственным пунктом, объединяющим все анархические учения, является отрицание государства для нашего будущего, в остальных же пунктах все или многие анархические учения расходятся, нередко доходя до непримиримости. Если остановиться на этом определении и не касаться философской сущности доктрины анархизма, т. е. не сосредоточиться на ее идеальной стороне, на ее отношении к моральной проблеме, к конечным целям человеческого существования и т. д., то основная черта анархистской психологии, — склонность к *идеалистическому утопизму*, — окажется совершенно непонятной. Государство, в его юридическом понимании, — категория, научное понятие, как бы некоторая отвлеченная пустота, — не способно вызвать ни в утверждении, ни в отрицании широкого и глубокого энтузиазма. А между тем анархисты во все времена славились своим практическим, действенным энтузиазмом, своей неизменной верой не только в реализуемость своего идеала вообще, но именно в его *немедленную* реализуемость. История полна примерами этого действенного энтузиазма: начиная с религиозного коммунизма карпокрatian¹ (II век), нигилистической религиозности общин, основанных знаменитым Амальрихом (начало XIII века), и адамитов² и кончая современными течениями и группами, так или иначе примыкающими к анархизму: русскими духоборами, последователями Тэкера в Америке и т. д. Анархисты всегда были людьми, для которых на первом плане стоит вопрос «что делать?». До самого последнего времени их группы характеризовались *интенсивной действительностью* и сравнительно *элементарным теоретизированием*. Очень нередко бывало так, что теоретическая догма, созданная *одним* наиболее выдающимся человеком, находила себе свободный отклик или, может быть, доверие среди других, и орган, несущий теоретическую функцию движения, оказывался количественно единым и резко отдифференцированным от остальной группы. Отсюда объясняется очень многое: так, с одной стороны, становится понятной удивительная скудость источников по истории анархизма (литературная плодovitость есть явление уже нового времени); с другой стороны, объясняется и тот налет непосредственной взаимности, который обыкновенно присущ в философском отношении теоретиче-

ским выступлениям анархистов и который ведет у них нередко к курьезным противоречиям в утверждениях. В психологии анархиста очень часто преобладает импульсивный уклон и национальная окрашенность; именно поэтому анархист — более агитатор, чем пропагандист, и убежденность нередко заступает в нем место мотивированного убеждения.

В связи с этим «*практицизмом*» стоит в непосредственной связи «*идеализм*» анархистов. О чем бы ни говорил анархист и как бы ни интересовался он известным научным вопросом самим по себе, в нем ни на минуту не угасает сознание того, что первенство остается за вопросом о *должном*. Проблема *идеала* — вот основное содержание анархистической психологии. Познание сущего, предречение будущего, изучение прошлого — все это для него лишь орудие для обоснования своего идеала. Интерес к конечной цели жизненного действия окрашивает каждое переживание его души. И здесь для него важно опять-таки не отвлеченное обоснование должного вообще, или в его формальном смысле; не доказательство философской ценности своего идеала, а подтверждение его жизненности, реализуемости, иногда неизбежности его наступления. Эта окрашенность проходит через все сочинения анархистов, начиная с Хельчицкого³ и Годвина и кончая Штирнером, Кропоткиным и Тэкером. Таким образом, понятно, что и в реалистических, позитивно-научных исследованиях или даже просто отдельных (напр., социологических) утверждениях у анархистов обыкновенно чувствуется уклоняющее влияние этого «идеализма». Страстная вера в идеал, пламенная любовь к нему оказываются обыкновенно у большинства людей не очень надежными спутниками в теоретических исследованиях. Только люди с огромной *теоретической* силой ума и с внутренне дифференцированным душевным складом могут изолировать свой познавательный процесс от такого влияния. И вот даже тогда, когда, например, Кропоткин с свойственной ему чуткостью и тонкостью подмечает и констатирует известные общественные явления, действительно не замеченные ранее и верно им схваченные, — научно дисциплинированный читатель редко может отделаться от ощущения некоторой, иногда почти незаметной сдвинутой в его утверждении, переливающейся иногда в прямую тенденциозность. Анархисту, как социологу, свойственно то умонастроение, которое представлено в России П. Лавровым и которое характеризуется термином «*субъективной социологии*».

Третьей чертой, характеризующей обыкновенно психологию анархистов, является тот «утопизм», о котором мы только что упомянули. Не всякая склонность к конкретному начертанию идеала может быть названа этим термином. Утопизм в умонастроении состоит в известном неправильном построении перспективы, в склонности выбрасывать в лестнице средств и целей, развертывающейся в будущее, средние звенья и сблизать таким образом конечный пункт — высшую идеальную цель с отправным пунктом — современностью. Это своего рода болезнь перспективы, позволяющая представлять себе далекое как близкое, иногда превращающая просто нереализуемый, быть может, идеал, недостижимую путеводную звезду (в данном случае идеал «свободы») в досягаемое, стоящее у порога, может быть уже осуществившееся событие. Есть натуры, которые не могут примириться не только с тем, что идеальное, как таковое, в полноте своей неосуществимо, т. е. с необходимостью мыслить идеал как неосуществимое *вообще*, но даже с тем, что идеал осуществим *не скоро*. Мыслить идеальное, как сильное, как жизненно могучее, которое придет неизбежно, вот уже близится, грядет, наступает, — такова одна из основных потребностей, присущих всем пламенным реформаторам, начиная с Платона. А между тем нельзя безнаказанно выбрасывать из целевого ряда промежуточные ступени; идея последовательности, постепенности и непрерывности в развитии, раз отвергнутая, оставляет в перспективе зияющую пустоту и порождает этим ряд специальных затруднений, с которыми приходится считаться всякому утописту. Чтобы доказать близкую реализуемость идеала свободы, анархист должен приблизить черты идеального порядка к чертам современного строя. И он идет к этому тремя путями: во-первых, он незаметно для себя и вполне *bona fide*⁴ выделяет в своем понимании *действительности* то, что обращено вперед, к его идеалу, то, что обещает ему осуществление, и отодвигает то, что скрывает в себе отказ и безнадежность; во-вторых, он, сам того не замечая, вносит в идеальное построение некоторые оговорки, смягчающие его абсолютную окрашенность, сообщающие ему более реализуемые черты; в-третьих, он вынужден бывает обратиться к некоторым принимаемым на веру предпосылкам, без которых не может устоять осуществимость его утопии. Такие предпосылки есть у каждого утописта, и в нашем случае они слагаются так.

Чертой, которая была присуща всегда всем анархистам, является их *обостренное свободолобие*. Анархист всегда и неустанно восстает против всего, что он называет «принуждением», «недобровольностью», «оковами», «путами» и т. д., может быть, мы не ошибемся, если скажем, что лозунг «самоопределение» был одинаково близок всем анархистам. Это самоопределение понимается далее различными анархическими течениями раз-
но. Одни из них сосредоточиваются главным образом на отрицании *внешнего* вмешательства в жизнь индивида или группы; другие проводят эту идею дальше и в самой внутренней жизни человека различают представления и переживания, возникшие самопочинно и навязанные «насильственно», — будь то извне или морализующей волей самого индивида. И в том и в другом случае анархисты говорят в огромном большинстве случаев о необходимости очистить указанную сферу самоопределения от *всякой* недобровольности, — решительно и до конца. Вместе с этим для них является проблема: доказать, что те элементы внешней и внутренней (правовой и моральной) дисциплины, которыми насыщена душевная атмосфера современного человека, не нужны, а может быть, и прямо вредны. Проблема эта осложняется тем, что определяющее значение этих дисциплинирующих элементов настолько сильно, что сами анархисты признают необходимость напряженной борьбы с ними. Нельзя выкинуть эти элементы и ничем их не заменить, ибо общественное значение их ощущается слишком ярко: наличность их обуславливает устойчивость существующего строя, и как Штирнер и Кропоткин прекрасно сознают необходимость дать ответ: что же именно, какие элементы душевной жизни могут обеспечить порядок и стройность в общественной жизни при отвержении «недобровольной» дисциплины. И Кропоткин указывает на свободную солидарность, а Штирнер — на свободный эгоизм. Так воскресает в современных анархических течениях вера в *естественную гармонию человеческого общежития*, и именно в этом и лежит та предпосылка анархического утопизма, о которой мы только что упомянули. Анархисты верят в то, что возможность полного самоопределения вызовет в человеческой душе именно те свойства ее, которые учредят порядок общественного благополучия при свободе. Какой-то панической иронией окрашено то обстоятельство, что такую зиждущую силу отдельные течения анархистов видят в прямо противоположных движениях челове-

ческой души, и вера в то, что с падением внешней и внутренней дисциплины все устроится благополучно на основах всеобщей любви к другим или к самому себе, принимает, по существу, религиозную окраску. Естественно, что при таком религиозно-окрашенном свободолобии психология анархистов оказывается насыщенной сконцентрированным *протестом* и *недовольством*. Ибо, с одной стороны, их утопизм, с другой их эмоциональная действенность ставят их в положение людей, которые, последовательно говоря, не в состоянии *ничего* принять из современной действительности. А так как всякая деятельность предполагает необходимо *отправной пункт*, а окружающее как будто не дает такого пункта для движения в сторону созидания, то отсюда становится психологически понятным, что у наиболее активных и прямолинейных натур, как у Бакунина, *вся* деятельность получала деструктивный уклон. Самое созидание прекращается тогда в разрушение, и таким образом слагается верование в то, что устранение существующего должно само по себе неизбежно породить именно то идеальное, ради которого предпринимается разрушение. Так, утопизм порождает реформаторский радикализм, а радикализм обратно закрепляет в сознании утопическое верование.

А между тем нельзя не признать, что если даже всякая созидательная деятельность и предполагает устранение или разрушение старого, то правильное соотношение между этими уклонами будет такое, при котором конструкция составит содержание *программы*, а деструкция самое большее найдет себе известное место в *тактике*. Непонимание тех принципов, по которым построится содержание «программы», характерно вообще для психологии анархистов. Люди утопического склада не могут понять, что идеал вообще не может стать содержанием программы, что программа, всякая программа есть всегда компромисс между идеальными требованиями и реализуемостью, ибо включать в программу нереализуемое нелепо. Партия, которая имеет одну только «программу-максимум», не имеет, в сущности говоря, никакой программы, а имеет лишь сформулированный в тезисах идеал. И если бы партийная дифференциация совершалась по различиям в идеалах, то оказалось бы неизбежно, что к одной и той же партии принадлежат люди с различными программами: так, можно себе представить человека, который является анархистом в идеале и признает в программе государственную

организацию общежития необходимой. И сами анархисты, говорящие и мечтающие об устранении *всякого* принуждения, допускают его *per compromissum*⁵: Штирнер говорит о сохранении недобровольности в союзе эгоистов, Кропоткин открыто признает принуждение, организованное *ad hoc*⁶, а Тэкер соглашается даже сохранить государство, ограничив его известными функциями. Непоследовательность эта знаменательна в высокой степени: мечта, низведенная в программу, теряет свой абсолютный характер, урезывается оговорками, а программа, поглотившая мечту, получает черты утопичности и неосуществимости. В интересах идеала и в интересах программы следует поддерживать их обособление.

Но именно основные черты той психологии, которая породила и выносила их сращение, не терпят этого обособления. И именно с этой психологической точки зрения становится понятным, что анархисты-индивидуалисты, ведущие свое идейное начало от Штирнера и более последовательно продумавшие принцип «свободы», оказываются более склонными к признанию различий между программой и идеалом; анархисты же коммунисты и сформировавшаяся под их влиянием русская группа максималистов держатся твердо за единую программу-максимум. Теоретическое углубление и последовательность — вот первое и основное, что должно быть внесено в психологию анархистов, и возможность для них выйти в литературном отношении из состояния подпольной загнанности могли бы сыграть здесь большую и благодетельную роль.

Наконец, при выяснении этих общих основ анархистической психологии нельзя, конечно, не упомянуть о том общеизвестном наблюдении, что успех крайних направлений по размерам своим оказывается всегда прямо пропорциональным размерам политического гнета в стране. Естественно, что крайнее свободолюбие имеет больше всего шансов развиваться именно там, где проводится наиболее резкое отрицание свободы, и в этом смысле не раз указывалось на то, что Россия дала наибольший процент анархистов; можно было бы указать еще, что Штирнер выносил свое крайнее отрицание государственности именно в предреволюционный период сороковых годов и что крайние анархистические секты имели особенный успех на Западе в эпоху наибольшего гнета, исходившего от католической церкви. Но явления общественной психологии вообще гораздо сложнее, чем это может

показаться, и объяснение их происхождения не может останавливаться на указании таких общих тенденций и связей. Более внимательный анализ показал бы нам, что политическое давление в низшие трудящиеся классы содействует росту именно коммунистического анархизма, сосредоточивающегося на *социальной* проблеме и ее разрешении через организации солидарности; что индивидуалистический анархизм есть, скорее, порождение интеллигентных слоев, и именно отдельных личностей, страдающих не столько от политического гнета, сколько от недостаточно тонкой и подвижной общественной дифференциации. Отсюда ясна и перспектива будущего для обоих течений.

Но задача социально-психологического анализа таких общественных явлений, как анархизм, может быть здесь, конечно, не решена, а только поставлена.

